

— Линьюэ, — Чэнь Синчжо, глядя ей прямо в глаза, произнесла каждое слово четко и веско, — три года. До наступления пика жары при катастрофе Пылающего Солнца осталось три года. До ледникового периода — четыре. До начала наводнений — меньше пяти.

Каждая временная отметка ложилась на плечи тяжким грузом, не давая вздохнуть.

— Раз уж мы обе вернулись, нельзя терять ни минуты.

Сердце Чжоу Линьюэ ухнуло вниз, а по спине пробежал холодок. Спокойствие и та неотвратимая срочность, что сквозили во взгляде Чэнь Синчжо, вонзились в тепло встречи подобно ледяным иглам. Реальность — жестокий обратный отсчет до конца света — никогда не останавливалась.

— Я знаю! — Чжоу Линьюэ крепко сжала ее ладони, и в ее собственных глазах вспыхнула решимость. — Знаю! И снаружи уже начались холода! Это только начало, верно? Аномальное похолодание перед жарой!

Чэнь Синчжо тяжело кивнула:

— Да! Это лишь начало. Дальше будет только хуже и быстрее. У нас почти нет времени!

Ее взгляд скользнул по телефону, брошенному Линьюэ на диван, а затем остановился на синей банковской карте, одиноко лежащей на полке в прихожей.

— Денег на этой карте — капля в море. Нам нужно пустить в ход настоящий козырь из нашего пространственного хранилища!

Дыхание Чжоу Линьюэ участилось. Хранилище... Неужели там и правда лежат те горы золота и океаны купюр, которые они собирали в прошлой жизни?

Чэнь Синчжо замолчала. Она отпустила руки подруги и глубоко вдохнула, словно собираясь с силами. Медленно закрыв глаза, она почувствовала, как нефритовый кулон на груди, согретый ее теплом, отозвался четким, размеренным пульсом.

Вум.

В глубине сознания раздался едва уловимый гул, слышный только ей одной.

Следом за этим в ее ментальном взоре вновь развернулась необъятная, застывшая в ослепительной белизне пустота. Величественная золотая гора, чье сияние ослепляло своим богатством! Бескрайний, пестрый океан банкнот! А в углу — припасы, собранные в прошлой жизни, которые в начале апокалипсиса стали бы спасением. Все было точно так же, как в

первый раз.

Но теперь ее воля не замерла в изумлении. Ее сознание, подобно точному зонду, мгновенно сфокусировалось на неприметном уголке у подножия золотой горы. Там лежали те самые предметы роскоши, которые Линьюэ в прошлой жизни запихнула в хранилище: несколько кричащих, безвкусных пальто, пара туфель на каблуках и... несколько пластиковых пакетов с логотипом лапши лосыфэнь!

Нашла!

Чэнь Синчжо сосредоточилась. Ее ментальная энергия, словно невидимые щупальца, с невероятной осторожностью и почти ритуальной торжественностью обхватила один из пакетов.

В реальности.

Чжоу Линьюэ затаила дыхание, не сводя глаз с подруги. Она видела, как та, зажмурившись и слегка нахмурившись, была полностью поглощена процессом. Секунда — и в воздухе посреди гостиной внезапно возникла едва заметная рябь, словно в зеркальную гладь воды бросили невидимый камень.

Следом, прямо из центра этой ряби, из ниоткуда материализовался предмет.

Пластиковый пакет в красно-желтой упаковке с надписью Настоящая лосыфэнь из Лючжоу с глухим звуком упал на мягкий ковер.

Упаковка выглядела старой, края кое-где потерлись, но в целом сохранилась отлично. Это был тот самый пакет, который Чжоу Линьюэ в прошлой жизни, сидя у слабого огонька костра в ледниковый период, тайком сунула в карман Чэнь Синчжо, с улыбкой пообещав: Сварю тебе на день рождения.

Тишина.

Гостиную накрыло абсолютной, звенящей тишиной. Звуки ветра и дождя за окном словно отключили.

Чжоу Линьюэ накрыло приступом сильного головокружения, она едва удержалась на ногах, судорожно схватившись за подлокотник дивана. Сердце бешено колотилось в груди, ударяясь о ребра, отдаваясь глухим, болезненным эхом в ушах. Она открыла рот, но не могла издать ни звука — горло будто сдавило чьей-то рукой. В голове была пустота, и лишь один образ пульсировал перед глазами: этот пакет с лапшой.

Это правда! Хранилище! Все это... реально! Никакие не бредни и не галлюцинации! Осколки

воспоминаний о борьбе за выживание и горестных прощаниях в прошлой жизни теперь, словно неопровержимые доказательства, всей своей ледяной тяжестью обрушились на ее сознание.

Чэнь Синчжо медленно открыла глаза. Она была бледнее обычного из-за затраченных сил, на лбу выступили мелкие капельки пота. Но взгляд ее был необычайно ясен, в нем читалось облегчение от завершения важного ритуала и едва уловимое предвкушение. Ее глаза тоже остановились на пакете — взгляд был сложным и нежным.

Она наклонилась и с той же торжественностью подняла лапшу. Пластик тихо зашуршал в ее руках. Чэнь Синчжо подошла к застывшей, словно изваяние, Линьюэ.

— Вот, — голос ее звучал тихо и хрипло, но пронзил гул в голове Линьюэ насквозь. — Та самая лапша... которую ты мне дала.

Она осторожно протянула пакет подруге.

— Мы... мы так и не решились ее съесть, — добавила она, и в ее голосе прозвучала горькая нотка. — В прошлой жизни... до дня рождения мы не дожили.

Взгляд Чжоу Линьюэ переместился с бледного лица Чэнь Синчжо на упаковку лапши. Знакомый рисунок, потертые края... Тот снежный вечер, тусклый свет огня, посиневшие от холода, но пытающиеся улыбнуться губы Чэнь Синчжо... и ее собственное, тайное, робкое ожидание... Все детали, погребенные под слоями времени, в этот миг вспыхнули, как запал.

— А-а-а!

Чжоу Линьюэ больше не могла сдерживаться. Все накопленные эмоции — шок, страх, раскаяние, безумная радость от обретения утраченного и бесконечная боль от того, что обещание не было выполнено, — прорвали плотину. Она бросилась вперед, снова крепко обняла Чэнь Синчжо, уткнулась лицом в ее плечо и разрыдалась. Это был не тихий всхлип, а громкий, отчаянный плач ребенка, наконец-то нашедшего утешение.

— Прости... прости меня, Синчжо... Я была такой душой... не узнала тебя... ты ждала меня там... так долго... мерзла целый день... Эту лапшу... мы сварим ее... прямо сейчас... я сварю ее для тебя... в этот раз... в этот раз я точно... точно не упущу момент...

Она задыхалась от слез, ее речь была бессвязной, а горячие капли быстро пропитали воротник Чэнь Синчжо.

Чэнь Синчжо, стиснутая в объятиях, чувствовала дрожь подруги и обжигающие слезы. Слушая эти сбивчивые, рвущие душу признания, она чувствовала, как сердце сжимается от боли. Она неуверенно подняла руку и, помедлив, легла ладонью на дрожащую спину Линьюэ, неуклюже поглаживая ее.

— Хорошо... хорошо... — ее собственный голос дрогнул, в нем слышался сильный носовой оттенок. — Мы сварим ее... прямо сейчас...

За окном по-прежнему свирепствовала буря, град барабанил по стеклам, как боевые барабаны. Температура в комнате незаметно падала под натиском холода. Но в этой маленькой гостиной две фигуры, застывшие в объятиях, и один пакет лапши, преодолевший грань жизни и смерти, зажгли в ледяной увертюре апокалипсиса слабое, но невероятно живое пламя, имя которому — возрождение и связь.

На кухне воцарился сложный, резкий аромат.

Густой запах ферментированных бамбуковых побегов, смешанный с едкой остротой чили и насыщенным вкусом костного бульона, упрямо пробивался сквозь сырость, властно заявляя о своем праве на существование.

На плите в маленькой кастрюльке бурлил суп. В красном бульоне плавали белая лапша, золотистая хрустящая спаржа, арахис, зеленые маринованные овощи и те самые побеги бамбука. Рядом на тарелке лежали свежая зелень и два золотистых жареных яйца.

Чжоу Линьюэ, все еще в шелковой пижаме, с закатанными до локтей рукавами, обнажающими изящные предплечья, была предельно сосредоточена. Ее нос и глаза покраснели, но движения были точными, почти священными. Она осторожно помешивала лапшу палочками, словно работала с величайшей драгоценностью.

Чэнь Синчжо прислонилась к дверце холодильника неподалеку и молча наблюдала за ней. Она успела принять душ и переодеться в чистую хлопковую одежду, которую нашла Линьюэ. Несмотря на бледность, она выглядела гораздо лучше. Теплый свет лампы смягчал резкие черты ее лица и сглаживал усталость. Ее взгляд, прикованный к спине подруги, был полон глубокой, почти жадной сосредоточенности.

Как же хорошо. Она жива. Она все еще может стоять здесь и варить для нее лапшу. Это не крик отчаяния, не окровавленный нефрит.

— Готово! — Чжоу Линьюэ выключила плиту, в ее голосе проскользнула радость от выполненной задачи. Она ловко наполнила две чистые миски горячей лапшой.

Она взяла одну миску, повернулась и, с улыбкой, в которой смешались ожидание и легкая нервозность, протянула ее Чэнь Синчжо:

— Попробуешь? Интересно... тот ли это вкус? — ее глаза блестели, в них читалась робкая надежда, будто она боялась, что не справилась.

Чэнь Синчжо смотрела на протянутую миску, на поднимающийся от нее пар, на широко

распахнутые, покрасневшие глаза подруги. Перед глазами вновь всплыла картина из прошлой жизни: потрескавшиеся от холода руки Линьюэ, ледяной пакет лапши...

У нее перехватило горло. Она протянула руку — не за миской, а чтобы нежно коснуться запястья Линьюэ.

— Линьюэ, — голос Чэнь Синчжо был тихим и весомым, — день рождения... еще не наступил.

Улыбка Чжоу Линьюэ на мгновение застыла, но затем она поняла смысл слов подруги. Ее нос снова защипало. Она часто заморгала, прогоняя слезы, и улыбнулась еще шире:

— Да какая разница! Возрождение — это новая жизнь! Сегодня... наш первый день! Пусть эта лапша будет... первым блюдом на нашем празднике!

Она с напускной легкостью и властью вложила миску в руки Чэнь Синчжо, а затем взяла свою.

— Ешь быстрее! Пока горячая! Остынет — будет уже не то!

Чэнь Синчжо посмотрела на тяжелую, теплую миску, затем на Линьюэ, которая уже с аппетитом начала есть, дуя на лапшу. В ее ледяном взгляде наконец промелькнуло настоящее тепло. Она не стала спорить, взяла палочки и подцепила нить лапши, пропитанную красным маслом.

Знакомый, резкий, почти удушающий вкус взорвался во рту. Специфический запах бамбука смешался с жгучим чили, заставляя рецепторы ликовать, а затем пришло послевкусие костного бульона. Этот вкус был в точности таким, как описывала Линьюэ в прошлой жизни, принося с собой щемящее чувство узнавания сквозь пространство и время.

Чжоу Линьюэ, втягивая воздух от остроты, с тревогой наблюдала за подругой:

— Ну как? Вкус правильный? Остроты хватает? Может, бамбука нужно было меньше? — она помнила, что Чэнь Синчжо не очень любила острое и этот специфический запах.

Чэнь Синчжо ничего не ответила, лишь опустила голову и отправила в рот еще одну порцию. Она ела медленно, вдумчиво, словно совершала священный обряд. Горячая лапша и бульон согревали изнутри, прогоняя холод из самой глубины души.

— Вкусно, — наконец подняла она глаза на Линьюэ, произнесла это очень серьезно. Ее губы покраснели от остроты, на носу выступили капельки пота, но взгляд был необычайно ярким. — Очень... тепло.

Чжоу Линьюэ, глядя на ее покрасневшее лицо и серьезный взгляд, почувствовала, как огромный камень упал с ее сердца. Она тоже опустила голову и с аппетитом принялась за еду, пробормотав:

— Ну и хорошо... Ешь побольше! В кастрюле еще есть!

Они больше не разговаривали, погрузившись в еду. На кухне слышалось лишь чавканье, шум вытягиваемой лапши и грохот бури за окном. В облаках пара аромат еды и невыразимое чувство обретенного счастья тихо разливались по комнате, временно разгоняя ледяной мрак грядущего апокалипсиса.

Миски быстро опустели, даже бульон был выпит до капли, и по телу разлилось приятное тепло.

<http://bllate.org/book/22447/2359192>